

**О любви,
которой
уже нет**

Яков Манн

Яков Манн

О любви, которой уже нет

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Манн Я. Д.

О любви, которой уже нет / Я. Д. Манн — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Эта книга – попытка сохранить память о былом, рассказать о своих корнях, о жизни, которую вели многие люди в то время, о любви, которой уже нет. Повесть «О любви, которой уже нет» автобиографична, все описанные в ней события и люди подлинны. «Законы Икажуча» и "Заветы" раскрывают вечную еврейскую тему. "Искусство в стиле 'ню'" - рассказы, соединяющие слово с визуальным образом.

О любви,
которой
уже нет
Яков Манн

ISBN-13:
ISBN-10:
Copyright © 2016 Jacob Mann
All rights reserved.

посвящение

Моей жене Юле,
без которой бы не было
Этой книги

вер 63

содержание

О любви, которой уже нет

Ты жид или еврей? 1

Первая любовь 4

Война 8

Жаркое лето 10

Знакомство 20

На Волге 24

На Дону 28

Угарная осень 32

Дочь Светлана 36

Потоп 38

Соседи 42

Возвращение 48

Заповеди 53

Квартира 60

Наташа 66

Эвакуация 71

Могилев 77

Родина 79

Краснопольские 85

Краснопольские, 1988 87

Квартира, 1987, лето 91

Не разлучаются... 95

Законы Икажуча 97

Искусство в стиле «ню» 125

Заветы 146

Записки дилетанта 162

ВСТУПЛЕНИЕ

Новые американцы, 1990

Эта книга – попытка сохранить память о былом, рассказать о своих корнях, о жизни, которую вели многие люди в то время, о любви, которой уже нет.

Повесть «О любви, которой уже нет» автобиографична, все описанные в ней события и люди подлинны.

«Законы Икажуча» и "Заветы" раскрывают вечную еврейскую тему.

"Искусство в стиле 'ню'" – рассказы, соединяющие слово с визуальным образом.

**О любви, которой
уже нет**

Как поздно, подчас, мы умнеем,

Кляня с обидой себя

И позабыть мы не умеем,

Что быть могло да не судьба

Надсаживая сердце болью

И память в муке теребя

Той неудавшейся любовью

Неслышно мучим мы себя

Яков Манн

Ты жид или еврей?

Мое детство прошло в городе Могилев–Подольский Винницкой области, Украина. В Могилеве жила многочисленная семья моей мамы, папины родственники жили в Черновицах, куда мы переехали, когда я перешел в последний класс школы.

В Могилеве было много евреев, хотя еврейской культуры, как таковой, не было: птицерезка на базаре была единственным местом, где евреи собирались, ожидая ритуального лишения жизни только что купленных кур и петухов. Не было еврейских школ, газет, театров, синагог.

Были люди, которые иногда говорили между собой на идише, а по-русски говорили со смешным картавым «р». И были люди, которые гордо выговаривали твердое красивое «Р» и при случае называли тех, кто картавил, «жидами», иногда «пархатыми».

В этих словах таится весь ужас моего детства. Я рано понял, что я еврей, но ту часть моей души, которую должна была заполнить древняя еврейская культура, заняли атеизм и коммунизм. Я хотел строить новое общество и быть его полноправным членом, мое еврейство было моей постыдной тайной и когда она выходила на поверхность, то это ощущалось, как будто меня раздели на людях.

Мне было 12 лет когда родители отправили меня в пионерский лагерь – в первый раз.

Вечером, когда все дети в большой спальне уже легли, но еще не спалось, исчерпав запас анекдотов, все стали выяснять кто я: жид или еврей. Я малодушно отрекался и от того и другого, добровольцы стали предлагать снять с меня трусы, когда я усну, чтобы точно удостовериться.

В ту ночь я не спал, утром попытался сбежать из лагеря, меня поймали, вызвали родителей, и я с трудом упробил маму забрать меня домой. Объяснить я ничего не мог, мне было стыдно. Нужно ли говорить, что это был мой последний выезд в пионерский лагерь?

Еще долго я встречал на улицах Могилева одного из тех «добровольцев», мальчика намного старше меня, который при встрече кривил рот и тихо, стараясь не быть услышанным случайными прохожими, гнусавил:

–Яша, ты жид или еврей?

Первая Любовь

Мне было 14 лет, когда я повстречал и потерял первую любовь. Ее звали Ира, она жила в нашем доме, ей было 15 лет. Мы были знакомы много лет, играли во дворе, где проводили большую часть времени.

Все поменялось в один вечер. Я делал уроки на кухне, а Ира с соседской девочкой, Броней Краснопольской, разговаривали снаружи в коридоре, примыкающем к кухне. Мне было все слышно, хоть я особенно и не прислушивался. Вдруг я уловил слова, сказанные Ирой:

– А мне Яша нравится, у него брови такие красивые.

Нужно ли говорить, что в этот момент я в нее влюбился.

Летом мы ходили в кино. Не вдвоем, конечно, а с большой группой детей из нашего двора. Мы шли рядом по тенистым улицам Могилева, направляясь в кинотеатр, тихо разговаривая и присматривая за младшими детьми. В кинозале мы сидели рядом и смотрели фильмы про американский безумный мир, про человека–амфибию и Лимонадного Джо.

Я украдкой поглядывал на ее красивое лицо, освещенное отраженным светом, ее рука, иногда касающаяся моей руки, была гладкой и прохладной, нежный аромат весенних цветов, исходящий от нее, заставлял меня забыть о фильме.

Конечно, моя мама была не в восторге от того, что ее сын влюблен в нееврейскую девочку. Она сама может и не догадалась бы об этом, но я был настолько наивен, что написал об этом в дневнике, который вскоре попал маме в руки. Прочитав мой дневник, она понесла его в детскую комнату милиции, куда меня вскоре вызвали. Там солидный человек в штатском костюме долго читал мне лекцию о вреде ранней половой жизни, пока до него не дошло, что я понятия не имею о чем он говорит.

Осенью я лежал в больнице после операции по удалению аппендицита. Ира пришла проведать меня. Об этом мне сообщил сосед по палате, улыбаясь и подмигивая:

–К тебе дама пришла.

Я поспешил к дверям в отделение, за которыми толпились посетители. Ира скромно стояла в стороне, на ней было светло-зеленое платье, делавшее ее еще красивее.

Мы гуляли по больничной аллее, прохожие оглядывались на нас – наверное странной казалась пара: шуплый мальчишка, с трудом передвигающий ноги после операции, и расцветающая вполне зрелой красотой девушка.

Был чудесный день ранней осени, Ира держала в руке желтый осенний лист, случайное касание наших рук чувствовалось как ожог.

– А ты что здесь делаешь?

Я оглянулся, сзади подходила моя мама. И обращалась она к Ире.

– Как тебе не стыдно бегать за мальчиками, девочка должна быть скромной!

Ира взглянула на меня, в глазах ее были стыд и ужас. Она молча повернулась и пошла прочь.

– Мама, как ты можешь!

Она не слушала меня. Крепко держа меня за руку, она вела меня обратно к больничному корпусу.

– Посмотри, что я тебе принесла, мы сегодня с папой ходили на базар...

Я медленно шел по больничному коридору, в руках сумка с едой, в душе обида. Проходя мимо туалета я остановился, затем решительно открыл дверь.

Я лил в унитаз сладкий мамин компот, золотистый куриный бульон, выбросил в мусор вкусный свежий белый хлеб, испеченный в частной подпольной пекарне и заполнивший своим запахом весь больничный этаж, фрукты и куриное мясо. Душа моя была полна обидой на маму, и жалостью к ней – я знал сколько труда и денег стоили ей эти продукты, и где-то под этим было и сожаление, что теперь придется есть одну больничную манную кашу.

Много лет спустя, уже студентом института, я заезжал в Могилев и зашел к Ириной матери. На столе стояла фотография необыкновенно красивой девушки. Я спросил мать:

– Это Ира?

– Ира.

– И где она сейчас живет?

– В Севастополе.

Больше я о ней ничего не слышал.

Сегодня, 50 лет спустя, я иногда спрашиваю себя: «Может это был мой шанс на то счастье, которое дается человеку только один раз? »

Как жаль, что я никогда не узнаю ответа...

Война

Мои дедушки и бабушки не делали революцию, не были комиссарами гражданской войны в пыльных шинелях и остроконечных шлемах. Они молились своему Богу, растили своих многочисленных детей, зарабатывали на жизнь ремеслом с трудом сводя концы с концами.

Мой дедушка Лейбл был кузнец, прадедушка Янкл тоже был кузнец. Они подковывали копыта лошадям, чинили телеги и фаэтоны.

В 41-м году моему деду исполнилось 35 лет. Он был высокий и сильный, имел «золотые» руки и был очень честен в делах, хотя и был очень беден.

Когда началась война, дедушка и прадедушка погрузили в телеги жен, детей и скудный скарб и пошли на восток. Через неделю тяжелого пути под бомбежками их обогнали немецкие передовые войска. Пришлось повернуть обратно.

Сами того не зная, они шли по узкой тропе, на которой был шанс выжить. Сосед, который шел с ними, решил заглянуть в местечко чуть в стороне от дороги. Там его и убили. Может быть Бог вел их по этому пути.

Дедушка и прадедушка с семьями вернулись в Могилев. Они нашли свои квартиры разграбленными соседями. Там уже жили чужие люди.

По приказу новой власти дедушка и прадедушка поселились в переполненном еврейском гетто, где в маленьком квартале ютилась большая часть жителей города.

Город заняли румыны, союзники немцев. Румыны не казнили всех евреев, как немцы, они отправляли их в лагерь смерти Печора.

Мои дедушки выжили благодаря тому, что им отложили отправку в Печору. Властям и населению нужны были кузнецы. А потом о них забыли, и они выживали долгие 3 года до прихода советских войск.

Я закрываю глаза и вижу подводы, медленно тянущиеся по грунтовой дороге между воронками от бомб. Там, на тонком слое соломы, на дне одной из подвод лежит моя испуганная десятилетняя мама, там же и я, и мои дети, и мои американские внуки, такие шумные и счастливые.

ЖАРКОЕ ЛЕТО

Мое первое лето после института, я инженер вычислительного центра на большом машинно–строительном заводе в Волгограде.

Раньше я читал о знаменитых сталинградских морозах, но лето в тот год впечатлило меня больше. Жара началась еще в мае. Каждый день температура воздуха превышала 40°. Я спасался в машинном зале, где стояли наши вычислительные машины. Это было единственное место, где воздух охлаждал кондиционер.

Так бы и проскочило это лето незаметно, но в июле меня отправили в местный совхоз помочь с уборкой урожая.

Нас было 10 человек – 6 парней и 4 девушки, все с одного завода. Ехали мы в кузове грузовика, сидя на досках, перекинутых между бортами. Было весело, пели песни, кричали. Мой сосед – высокий красавец по имени Леша – шумел больше всех, нежно обнимая свою соседку. Выехав из города, мы оказались в необъятной степи. Плоская ровная земля простиралась до горизонта, она казалась выжженной горячим солнцем.

Кто–то из наших даже присвистнул:

– Чего убирать–то будем?.. все погорело...

Мы ехали два часа, теперь на земле вместо выгоревшей травы видна была чахлая сгоревшая кукуруза.

Наш грузовик остановился на круглой площади, видно было, что это центральная площадь этого селения. Выделялись 2 дома, стоявшие на противоположных сторонах – в одном оказалось правление совхоза, в другом было общежитие. На правлении висел выцветший плакат, прославляющий КПСС.

Парней поселили в общежитии. Это был дом в одну комнату, которая вся была уставлена раскладушками. Часть из них была занята рабочими с другого Волгоградского завода, тоже посланными убирать урожай. Их было человек десять, угрюмых, с побитыми лицами.

–Что случилось, мужики? Кто вас так обработал?

–Да вот, местные... – они кивали на небольшую группу ребят, с виду школьников, мирно наблюдающих за нами издалека.

–Так то ж дети, неужто не справились?

–Они только начинают, потом старшие добавляют.

В комнате трудно было разговаривать, потолок был покрыт большими черными мухами, жужжание которых напоминало рев реактивного самолета.

–Ребята, а Лешка где? – действительно в комнате его не было.

Мы пошли через площадь в правление. Для женщин освободили комнату, где прежде работали счетоводы. У них было посвободнее, только четыре раскладушки на которых лежали наши девушки и... Леша рядом с Таней.

– Заходите, ребята – девушки гостеприимно приветствовали нас. Дверь в их комнату была распахнута настежь и местные совхозники спотыкались, глядя на полуодетых женщин и на Лешу с Таней, лежащих в обнимку.

– Чего лежите? – спросил я и тут же понял всю глупость своего вопроса – в комнате сидеть было не на чем.

– Ребята, айда в магазин, отпразднуем приезд.

Сельский магазин оказался обеспеченным хлебом, водкой и отличным болгарским сухим вином.

– Такое вино только в Москве можно купить. И очереди никакой нет, – не переставали удивляться мы.

– Дак мужики не пьют такое – ухмыльнулась дебелия продавщица,

– Говорят что оно как квасок, токко кислый.

Мы вернулись в комнату девочек. Вино вначале пошло в ведро с холодной колодезной водой для охлаждения, затем в наши желудки для разогрева.

Все были в хорошем настроении.

Девчонки ходили по комнате в купальниках, курили, пересыпали свою речь матом. Они были простые заводские девчонки, жили в рабочем общежитии, кроме одной, высокой и худой – Оли, которая была замужем.

– Ребята, что делать будем? Видали как механизаторов побили? Боксеры – то у нас есть? Все молчали, потом Оля сказала:

– Да, есть у нас один. Яша, ты чего не признаешься?

Я чуть не захлебнулся холодным кисловатым вином:

– Ты как узнала?

– Да видела тебя в бою, помнишь бой с тем, длинным?

– Так это была ты! – теперь я узнал ее.

Боксу я начал учиться еще в детстве, мой родственник был тренер по боксу и, хотя я не был особенно драчливым или крепким, а может быть именно поэтому, заманил меня в свою секцию.

А потом, через десять лет, заскучав в Волгограде, куда я приехал по распределению, я стал ходить в боксерскую секцию неподалеку.

Я любил игровую сторону бокса – оценить противника, использовать его слабые места, победить не грубой силой, а умом, переиграть.

Там же в секции я провел тот товарищеский бой, который видела Оля.

Противник был равен мне по весу, но на голову выше меня и очень сильный.

Я наблюдал бои других пар, разминаясь с грушей. Ребята дрались как звери, наотмашь наносили удары, не заботясь ни о какой защите. Такой бокс я не люблю.

Я перевел взгляд на своего будущего противника. Он разминался перед боем, обмениваясь ударами еще более громадным боксером, и явно его боялся. И тут я заметил – под атакой он в какой-то момент пугался и прятался за перчатками, переставая отвечать на удары. В этот момент его можно было бить, набирая очки. Вопрос однако был: смогу ли я напугать его как тот здоровила?

Я стоял в своем углу на ринге, ожидая гонга. В зале не было зрителей, почти не было, одна девушка сидела недалеко от канатов и почему-то в упор смотрела на меня, это и была, как я узнал потом, Оля.

И внезапно я почувствовал прилив энергии. Раздался гонг, я бодро шагнул в центр ринга, поднял руки, закружил вокруг противника. Я не мог его достать, его руки были намного длиннее моих, я ждал удара.

Он не торопясь двигался, нанося отвлекающие удары слабой левой рукой, затем, когда я подошел ближе и немного раскрылся, заманивая, нанес сильный удар правой.

Этого я и ждал. Я нырнул под его руку, сделал шаг вперед и стал наносить мощные удары, не заботясь о точности попаданий. И тут он сделал это: закрылся обеими перчатками и перестал отвечать. Я знал, что он очень быстро оправится, и после нескольких точных ударов я отступил, чувствуя движение воздуха от могучих ударов в том месте, где я только что был. Я был очень рад избежать этих ударов, у меня не очень крепкая голова, это мое слабое место как боксера.

Вот так и прошел весь бой, я ловил момент, пугал, бил и уходил. Он видел мою тактику, но ничего не мог поделать – он боялся. И когда я мог, я глядел на Олю и она меня вдохновляла улыбкой, наверное смешно было, что маленький бьет большого.

И вот теперь здесь она меня узнала. Я, конечно, не собирался драться со сворой местных школьников, но вино и Оля подействовали на меня и я бодро сказал:

– Если что – только кликни...

Следующий день начинался тяжело, голова болела, вчерашнее вспоминалось смутно. Помнил соблазнительную Олину грудь в купальнике, и помнил как после нескольких поцелуев она внезапно вспомнила, что она замужем, и что не собирается портить себе жизнь со своими заводскими, которые никаких секретов держать не могут.

После этого она ушла с каким-то местным парнем, который зашел к нам выпить. Уж он-то не проболтается. За ней ушли и другие наши девчонки.

Мы сидели на току, ожидая бригадира. Жадно пили холодную воду, ребята ехидно спрашивали девчонок как они провели вчера время. Те угрюмо отругивались матом.

Недалеко от нас сидела кучка местных девочек, на вид лет двенадцати. У них были накрашенные губы, подведенные глаза, что на току выглядело нелепо.

– Эти-то что здесь делают? – тихо спросил я своих. Мне ответили недоуменные взгляды.

– Как что, солдат ждут, которые зерно возят.

– А зачем?

– Шпокаться, зачем еще.

– Так им лет двенадцать!

– Самое время женихов искать.

Вскоре меня посадили в прицеп кукурузного комбайна, мое новое рабочее место. Выбрали на эту работу почему-то меня, остальные остались на току подгрести зерно.

Работа была блатная. Комбайн шел по полю, срезая чахлые кукурузные ростки. Они сыпались в мой прицеп, часто прямо на меня, обдавая облаком пыли. Когда образовывалась куча, я вилами рассыпал ее по дну прицепа.

Так оно и шло – силос сыпался, я его разбрасывал и утапывал, поднимаясь все выше и выше, пока не заполнялся весь прицеп.

Самое трудное было, когда прицеп был почти полон, я едва успевал разбрасывать силос, готовый просыпаться на землю, приходилось ускорять темп, комбайнер беспощадно продолжал гнать комбайн, пока прицеп не был полон и силос возвышался высоко над бортами.

К тому моменту я уже выбивался из сил, комбайнер цеплял следующий прицеп и я восстанавливал силы пока он только начинал наполняться и мои вилы могли отдохнуть.

Это была моя ежедневная работа в течение того месяца, что я провел в совхозе. Рабочей одеждой были плавки, шортов тогда не знали, в брюках же не будешь работать в сорокаградусную жару. Ее-то я вскоре перестал замечать, волосы выгорели на солнце, кожа почернела от загара.

Единственное, что мешало – небольшая ранка на пятке, на что-то наступил, ранка кровоточила и перестала, но болеть продолжала, так и ходил хромым.

Пришел очередной выходной. Мы, как всегда, набрали болгарского вина и пошли в комнату к девочкам. Я взял ведро и пошел к колодцу за холодной водой охладить вино.

Возвращаясь, я заметил нескольких местных ребят, сидящих на заборе возле правления. Когда я подошел ближе, они соскочили с забора и окружили меня полукругом.

–Этот что–ли боксер? – услышал я, – шас пощупаем...

– Ребята, выходите, – только успел я сказать, уронил ведро и стал пятиться, стараясь не выпускать из виду тех, кто пытался зайти сзади. Они шли молча, всерьез, их было много, небольших, но крепких, закаленных в драках. Я сделал несколько отпугивающих ударов слабой правой, стараясь не дать им подойти близко.

– Гляди, пугает... – Услышал я издали. Чья–то голова появилась совсем близко и я ударил сильной левой. Голова исчезла.

Я продолжал отступать. И вдруг время, замедлившее для меня свой ход почти до полной остановки, вдруг пошло опять с нормальной скоростью. Я остановился, пытаюсь понять что произошло. Первое, что я осознал был мат – крепкий, черный, почему–то извергаемый женскими голосами.

Потом я увидел наших девок, этих поблядушек, которые догнали нас и своим криком остановили уже почти начавшееся избиение. И громче всех кричала Оля, махая кулаками перед их лицами. Нападавшие ошеломленно стояли, кто–то обиженно оправдывался:

– А ему бля можно? Во Петьку как шибанул, тот и встать не может...

Кто–то из ребят взял меня за плечи и увел в общежитие. Пошатываясь я зашел в комнату и ступив босой ногой на пол, почувствовал сильную боль в пятке. Я глянул и увидел кусочек зеленого бутылочного стекла в ранке на пятке. Я потрянул ногой и он упал на пол, дернулся и замер, как будто умер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.